

Глава 18

Будь то один мужчина или группа мужчин, Цяо Си не хотел выбирать никого из них.

Раздражённо проводив тётушку Чжун, он не хотел больше ничего говорить. Хотя он изо всех сил пытался объяснить, что у него нет планов создавать семью в данный момент и он даже не любит мужчин, выражение лица тётушки Чжун вовсе не казалось убеждённым. Будто она думала, что он просто несёт чушь.

Подождите... Что она имела в виду, говоря, что мужчина в доме будет главным???

Цяо Си не мог понять, сколько бы ни думал. Неужели тётушка Чжун действительно не считает его мужчиной?

Конечно, это тело было немного слабым, с редкими волосами на теле по сравнению с другими мужчинами. Кожа была светлой, глаза большими, и он, возможно, выглядел слишком изнеженным, но у него всё ещё было всё, что положено мужчине.

Даже если каждый раз, когда он ходил в уборную и расстёгивал пояс, это вызывало у него небольшой психологический дискомфорт — потому что, признаться, та штука была маловата, — это всё равно не означало, что его можно было просто округлить в меньшую сторону и считать, что её нет!

Цяо Си сердито выбросил эти мысли из головы. Он поклялся, что если тётушка Чжун снова попытается сосватать ему мужчину, он твёрдо скажет ей, что ему это не нужно.

Однако, хотя говорящий не имел намерения, слушающий — тем более.

Цяо Си не обратил внимания ни на одно слово тётушки Чжун, но, к сожалению, кто-то другой обратил.

Шэнь Игуан никогда не встречал Эр Шэнцзы и не знал, кто такие Дачжу или Саньгоу. В его глазах эти мужчины были просто грубыми деревенскими мужланами. Он не мог понять, о чём думала тётушка Чжун — как любой из этих мужчин мог быть достоин Цяо Си?

Даже если они были из одной деревни, Цяо Си явно был красивее остальных. Даже одетый в грубую ткань, его природная красота не могла быть скрыта!

Как раз когда он погрузился в раздумья, мимо прошёл Цяо Си и рывкнул на него: «Пошёл вон!»

Кухня была взорвана, и над ней зияла большая дыра вместо крыши, поэтому у Цяо Си не было терпения тратить на него слова. Он боялся, что слишком сильный гнев только повредит его здоровью. Вместо того чтобы жаловаться, лучше было подумать, как починить крышу до наступления ночи.

Шэнь Игуан почувствовал кислинку в желудке от нетерпеливого тона — его отчитывали, как собаку. Никто никогда так с ним не разговаривал. Но затем он вспомнил своё собственное "творение" — и, как бы избалован он ни был, он не мог позволить себе обижаться. Он опустил голову и послушно отошёл в сторону.

Но как только он двинулся, он внезапно услышал низкое предупреждающее рычание, исходящее из горла генерала Цяо. Опустив взгляд, он обнаружил, что смотрит прямо в свирепую, оскаленную пасть чёрной собаки, готовой к атаке.

Шэнь Игуану это не понравилось.

Цяо Си — это одно, но как этот маленький зверёк смеет скалить на него зубы?!

Цэнь'эр подошёл и прошептал: «Дядя, ты наступил генералу Цяо на хвост».

Шэнь Игуан опустил взгляд.

«.....»

Увидев ногу, которая случайно наступила на чёрный хвост, он поспешно убрал её и украдкой взглянул на Цяо Си, но, к счастью, тот был занят размышлениями о крыше и не заметил этого.

У Цяо Си не было времени обращать внимание на такие мелочи. Сейчас его больше всего беспокоило, как залатать дыру в крыше — ему не нужен был ещё один ночной холод, особенно когда в доме было двое таких хрупких созданий, как Шэнь Игуан и Цэнь'эр.

Когда он вышел, он увидел только Шэнь Игуана, занятого работой.

Погода сегодня была хорошая. Было ещё холодно, но солнечный свет был тёплым. Шэнь Игуан был одет в тонкую одежду, и, вспотев, его грудь стала влажной, обрисовывая контуры мышц. У него были широкие плечи и тонкая талия — зрелище, от которого могло защемить сердце.

Цяо Си засмотрелся на мгновение, затем нахмурился и спросил: «Что ты там опять колдуешь?»

Шэнь Игуан ответил: «Я починю крышу. Поверь мне».

Его искреннее отношение и своевременная попытка загладить вину значительно смягчили гнев Цяо Си. Подумав, Цяо Си вспомнил, что Шэнь Игуан просто хотел помочь приготовить завтрак, что и привело к катастрофе на кухне. Не было смысла продолжать злиться.

«Ты ещё восстанавливаешься. Дай я сделаю», — сказал Цяо Си, пытаясь забрать работу.

В тот момент, когда их пальцы соприкоснулись, Шэнь Игуан почувствовал удар, словно молния. По его телу пробежала дрожь, и, прежде чем он успел осознать, кончики его ушей уже покраснели. Он быстро отступил в сторону и избежал руки Цяо Си. «Не надо».

«Я сломал дом, мне и чинить».

Цяо Си не заметил его странной реакции и просто скептически посмотрел на него. «Забудь... Ты, наверное, снова поранишься и будешь сидеть у меня на шее ещё несколько дней».

Он говорит так, будто я какой-то бесполезный балласт, который только создаёт проблемы.

Выражение лица Шэнь Игуана было полно разочарования. «У каждого есть свои сильные стороны. Я просто не хорош в тонкой работе».

Видя его таким, Цяо Си цокнул языком. «Ты выглядишь высоким и сильным, но почему у тебя такая тонкая кожа? Не можешь вынести пару слов?»

С этими словами он зашёл на кухню, взял горсть арахиса из корзины на стене и выпустил поросят побегать. Усевшись за каменный стол во дворе, он сосредоточенно занялся очисткой арахиса, игнорируя суету Шэнь Игуана.

Через некоторое время Шэнь Игуан внезапно спросил: «Что ты думаешь?»

Вопрос возник из ниоткуда, и Цяо Си не понял: «О чём?»

Шэнь Игуан повторил: «О том, что сказала тётушка Чжун раньше — ты хочешь жениться?»

Если подсчитать, Цяо Си был уже не молод. Обычные мужчины и женщины в его возрасте уже имели детей, бегающих повсюду, и было редкостью встретить кого-то неженатого.

Шэнь Игуан тоже приближался к двадцати годам и ещё не создал семью. Однако в ранние годы он был полностью сосредоточен на мести за отца и брата и не особенно интересовался делами любовными. К тому же, его мать умерла рано, и некому было устраивать его брак, что привело к одной отсрочке за другой.

Но Цяо Си был другим. Он не стремился к чинам, не был непривлекателен или плохого характера, чтобы быть нежелательным. Так почему же он до сих пор не женился?

В эти дни Шэнь Игуан воочию видел, как трудна жизнь Цяо Си, и ему было ещё труднее понять. Как сказала тётушка Чжун, если бы у Цяо Си действительно был мужчина, который бы помогал ему, его жизнь была бы намного легче.

Когда Цяо Си был в хорошем настроении, он отвечал, когда к нему обращались. Услышав это, он ответил: «Я не хочу».

«Почему?» — Шэнь Игуану было очень любопытно.

«Не хочу — значит не хочу. Я должен перечислять причины по пунктам?» — Цяо Си очищал арахис, говоря равнодушно. «Скажу тебе маленький секрет — люди не умирают от того, что не женятся».

Шэнь Игуан: «.....»

Может быть, Цяо Си прозрел мирские иллюзии и намеревался стать монахом?

Цяо Си было всё равно, что он думает. Он на самом деле не был добровольным безбрачником — его отношение к браку всегда было безразличным. Хотя его дедушка всегда надеялся, что он поскорее остепенится, чтобы увидеть правнуков до своей смерти, сам Цяо Си никогда по-настоящему не стремился к браку.

Поступление в Столичный университет, казалось, использовало всю удачу, которая у него была в жизни. Хотя внешне он находился на одной стартовой линии с другими студентами, в глубине души он знал, что всё по-другому. Ему приходилось работать намного усерднее других, чтобы иметь шанс утвердиться в этом сказочном месте.

Что касается брака, семьи и детей, Цяо Си никогда всерьёз не задумывался об этом. Его обстоятельства были слишком плохи, а стартовая позиция слишком низка — зачем втягивать невинную девушку в трату её лучших лет? Если бы он мог хорошо заботиться о дедушке в этой жизни и найти своё место, он уже был бы очень доволен.

Но не было нужды рассказывать всё это Шэнь Игуану. Они не были близки, и он не мог ожидать, что человек из феодальной эпохи, ценящий много детей и процветание, поймёт.

Шэнь Игуан действительно не понимал. Он не мог постичь, почему, когда у Цяо Си были явные

преимущества, он не использовал их хотя бы немного. Если бы он был готов использовать свою привлекательную внешность, его жизнь могла бы кардинально измениться, но он настаивал на простой жизни, даже, казалось, наслаждаясь ею.

Но Шэнь Игуан не был тем, кто любил вмешиваться в чужие дела. Если Цяо Си не хотел объяснять, он не будет настаивать.

Однако —

Шэнь Игуан внезапно вспомнил кое-что и сказал: «Не жениться не убьёт, но знаешь ли ты, что в нашей династии существует закон, согласно которому любой неженатый человек старше шестнадцати лет, будь то мужчина или женщина, должен платить дополнительные тридцать процентов налогов — или отправится в тюрьму?»

Арахис выскользнул из руки Цяо Си и упал на каменный стол, прокатившись несколько раз. Он нахмурился и повернул голову. «Что!?»

Видя, что он действительно, кажется, не знал, Шэнь Игуан тоже был озадачен. «Ты никогда не платил раньше?»

Цяо Си перенёсся сюда чуть больше месяца назад и на самом деле ещё не платил налоги — откуда ему знать о такой ерунде? Но судя по серьёзному выражению лица Шэнь Саньлана, он не шутил. Цяо Си был ошеломлён на долгое мгновение.

Человек, который создал этот закон — насколько он бесчеловечен!?

Легки на помине.

Сборщики налогов явились на следующий же день.

Наблюдая за тем, как увесистая груда медных монет переходит в другие руки, Цяо Си чувствовал, как его сердце обливается кровью. Казалось, с тех пор как он попал в эту древнюю эпоху, не случилось ничего хорошего — только деньги текли рекой. Кто может быть несчастнее него?

Сборщик налогов был занят сбором, когда внезапно заметил незнакомого мужчину во дворе. Он немедленно потребовал объяснений: «С каких это пор в твоём доме появились новые члены? Почему ты не доложил?»

В Великой династии Е проводилась ежегодная перепись населения, своего рода «проверка регистрации домохозяйств». Каждое домохозяйство должно было сообщать точное количество людей, и любое увеличение или уменьшение должно было своевременно регистрироваться. Несоблюдение считалось незаконным — в лучшем случае это означало штраф, в худшем — тюремное заключение. Иностранцы находились под особым наблюдением — у каждого должна была быть надлежащая регистрация, иначе их считали бродягами и сажали в тюрьму.

Тётушка Чжун упоминала об этом Цяо Си раньше, советуя зарегистрироваться как можно скорее, но он был слишком занят зарабатыванием денег и совершенно забыл. Теперь, когда его допрашивали, он наконец вспомнил.

«Они...» — попытался объяснить он, но сборщик налогов грубо перебил его.

«Мне всё равно, откуда они взялись. Либо плати штраф, либо отправляйся в тюрьму, либо

немедленно избавься от этих двоих! Я даю тебе три дня на размышления!» — нетерпеливо бросил он свой ультиматум, прежде чем уйти с налоговым платежом Цяо Си.

Как только сборщик ушёл, Цяо Си осмелился пробормотать проклятие под нос, прежде чем закрыть дверь и вернуться внутрь.

Поскольку в Великой династии Е налоги рассчитывались на домохозяйство, а Шэнь Игуан официально не входил в его домохозяйство, но проживал у него, Цяо Си был вынужден платить дополнительные налоги сверх налога на одного человека — это было настоящим бедствием, свалившимся с неба.

Нет, ему нужно было быстро избавиться от этих двух возмутителей спокойствия. Они были просто большой головной болью!

Сердце Шэнь Игуана упало — дела плохи. Судя по выражению лица Цяо Си, он точно больше не позволит им остаться.

Но у Шэнь Игуана было много причин, по которым он должен был остаться.

Деревня Таое была отдалённой, изолированной от внешнего мира и редко патрулируемой солдатами, что делало её идеальным местом для него и Цэнь'эра, чтобы скрывать свои личности и залечь на дно. Это также позволяло ему найти возможности восстановить связь со своими старыми союзниками. Это действительно было идеальное место.

Но без одобрения Цяо Си у него не было законной причины остаться, и деревня не приняла бы его. Внезапное, беспрецедентное чувство кризиса охватило его. Шэнь Игуан бессознательно сжал свою одежду, глубоко задумавшись.

Затем, вспомнив слова тётюшки Чжун, ему в голову внезапно пришла идея

<http://bllate.org/book/17973/1728041>